

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Чарующие сны

«Автор»

Кивинов А. В.

Чарующие сны / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы разбитых
фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Кивинов

Чарующие сны

ПРОЛОГ

Министру внутренних дел.

Лично.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до вашего сведения ставшие известными мне факты и прошу принять меры по существу моего заявления.

Я проживаю в городе-герое Санкт-Петербурге, в отдельной квартире, вместе с женой, тещей и восьмилетним сыном. 26 января сего года я отмечал свое тридцатилетие. После празднования я с женой и двумя своими товарищами по двору вышел подышать свежим воздухом и пройтись по проспекту Стачек. Было это около двадцати трех часов. Мирно беседуя, мы шли по улице, никого не трогая и ни к кому не приставая. Вдруг из остановившейся «иномарки» с тонированными стеклами, номер которой я не запомнил, выскочили трое парней в кожаных куртках и зверски избили меня и моих друзей, не назвав при этом каких-либо причин. Затем меня бесцеремонно затолкали в машину и повезли на мою квартиру, адрес которой, как оказалось, парням известен. Дома, в присутствии ребенка и тещи они оскорбляли меня нецензурной бранью, подчеркивая мое рабочее происхождение, а если конкретно, обзывали козлом. После этого один из них начал осматривать квартиру и оценивать мое имущество – мебель, телевизор, видеомагнитофон и вес остальное. При этом он приговаривал, что все этой пойдет в уплату какого-то долга, о котором я лично не имею ни малейшего понятия.

В конце концов, достаточно наиздевавшись, они ушли, пригрозив напоследок, что еще вернутся. На другой день мне позвонил мужчина и, представившись работником милиции, в грубой форме потребовал явиться в 85 отделение милиции. Я, как законопослушный гражданин, подчинился требованию.

В отделении оперуполномоченный уголовного розыска по фамилии, кажется, Соловьев завел меня в свой кабинет. Так и не объяснив цели вызова, он стал запугивать меня тюрьмой, зоной и просто расправой. Все его угрозы сводились к тому, что я должен написать расписку на 400 000 (четыреста тысяч) рублей, что я обязуюсь отдать ему наличными вышеуказанную сумму. Во время разговора в кабинет зашел один из парней, избивших меня и моих друзей накануне. Он передал Соловьеву конверт, сквозь который, как я успел заметить, про- свечивал характерный рисунок долларовых банкнот. (Полагаю, это была взятка.) Соловьев положил конверт в ящик стола, где уже лежало несколько таких конвертов. Затем он произнес: «Как в прошлый раз». Парень в ответ кивнул и вышел. Подозреваю, что Соловьев получает деньги за то, что предоставляет бандитам необходимую им информацию.

Будучи чрезвычайно напуган угрозами о расправе, а также беспокоясь за свою семью, я вынужден был написать расписку, которую он от меня требовал, после чего меня отпустили домой.

Ставя вас в известность о случившемся со мной, я убедительно прошу принять самые решительные меры по отношению к окопавшимся в рядах нашей славной милиции бандитским прихвостням, наживающимся на простых людях, вроде меня, и изболочить банду вымогателей во главе с Соловьевым, работающим под личиной оперуполномоченного 85 отделения милиции. Также прошу аннулировать расписку на 400 000 (четыреста тысяч) рублей, как написанную мной под угрозой расправы.

В заключение сообщаю приметы Соловьева: на вид – около 25 лет, низенького роста, плотного телосложения, имеет лобные залысины, глаза – хитрые. Одет в пиджак кирпичного цвета с потертыми локтями. На шее – широкий короткий галстук в полоску. Других примет не помню. Примет парней, избивших меня и моих друзей также, к сожалению, не помню.

Надеюсь на помощь и сочувствие. С глубоким уважением приемщик стеклотары магазина j 105, простой рабочий человек Чернохвостов Петр Сергеевич.

Число. Подпись.

Резолюция: Начальнику ГУВД г. Санкт-Петербурга. Срочно проверить указанные в заявлении факты и принять меры!

Зам министра внутренних дел Иванов.

Подпись.

Резолюция: Начальнику отдела внутренних исследований при ГУВД г. Санкт-Петербурга. Прошу исполнить и доложить.

Начальник ГУВД г. Санкт-Петербурга Комаров.

Подпись.

– Леночка, милочка. Ты не польешь настурцию? А то вянет же. Я лежу все время, никак не могу, когда надо, полить.

– Конечно, Мария Александровна.

– Ковшик на кухне.

– Я знаю, не волнуйтесь.

Девушка поднялась со стула, сходила на кухню, принесла воды и полила цветок.

– Спасибо, Леночка. Ты теперь во вторник придешь?

– Да.

– А пораньше не заглянешь? Ну, хотя бы в воскресенье?

– Не могу, Мария Александровна. Сессия скоро, готовиться надо. Да и уколы надо делать строго по расписанию. Но если плохо будет, звоните, телефон есть.

– А ты ко мне просто так не заглянешь, а? Посидели б, чайку выпили... Мне скучно одной, тем более все время лежать приходится.

– Зайду, конечно. Вот с «хвостами» разберусь и загляну.

– Хорошая ты девушка, добрая. Не то что другие – придут, укол сделают и уходят. Думают, сами старыми никогда не станут. Хотя я в молодости тоже так думала, был грех.

– Да вы, Марь Александровна, еще не старуха.

– Старуха, не старуха, а восьмой десяток уж.

– Ничего, еще нас переживете, – приободрила старушку Леночка.

– Ты мне во вторник занавесочки новые не повесишь? К празднику. А то пылятся уж полгода как. Мне сестра-покойница подарила, когда еще жива была. Они поярче, все повеселей будет.

– Хорошо, повешу. Вы извините, Мария Александровна, мне пора. За сегодня еще троих больных посетить надо.

– Конечно, конечно. Ступай с Богом. Не забудь, проведай старуху. Ты в Бога-то, наверно, не веришь? А я вот верю. Чувствую Господа. Вот ты с душой ко мне, мне и легче. Вон, Наталья, без души женщина, так мне после ее уколов только хуже становится. А от твоих так хорошо. Я сплю, как девочка трехлетняя. И сны такие чарующие. Все время летаю, словно в детстве... А все почему? Потому что ты с душой человек, вот Господь твою душу мне и передает. Ты не смейся над моей болтовней.

– Я не смеюсь, Мария Александровна, – ответила Леночка, собирая в небольшую медицинскую сумочку шприцы и лекарства. – Я понимаю.

– Ну, ступай, голубушка. Дверь на собачку поставь, замок сам захлопнется. Ну, ты знаешь.

– У вас продукты-то есть еще?

– Есть, есть. Соседка хлеба купит да молока. Мне много и не надо.

Леночка вышла в прихожую, надела пальто, подошла к старому зеркалу, висевшему на стене, и стала поправлять загнувшийся меховой воротник. Потом она надела вязаную шапочку и еще раз погляделась в зеркало.

Там отразилось молодое симпатичное женское личико с пухлыми губками и длинной черной челкой. Но если б зеркало могло снять с лица эту маску и отразить душу медсестры, то вместо красивой мордашки в нем бы проявился оскал смерти...

ГЛАВА 1

- Послушайте, гражданин, нельзя ли поосторожнее, вы не в такси.
- Не ори, курица, нечего в трамвае с тележками ездить.
- Вас забыла спросить. А накануне 8 марта могли бы быть и повежливее.
- Перебьешься. Вот 8 марта буду вежливым, а сегодня перебьешься.

Кивинов не стал дожидаться завершения этой трамвайной мизансцены, потому как трамвай подъезжал к его остановке. Кивинов пробился к выходу, выпрыгнул и зашагал в отделение. Сегодня с четырех часов вечера и до утра он дежурил, так что всю дорогу он упорно уверял себя в том, что ночь пройдет спокойно, без каких-либо серьезных заморочек и конфликтов. Хотя предпраздничные вечера без происшествий не обходятся. Этим днем, как раз перед ним, дежурил Миша Петров, а он парень добросовестный, долгов на вечер не оставляет, разбирается до упора, потому будет просто отлично, если после шестнадцати ноль-ноль ничего больше не случится. Но лучше не загадывать.

Несмотря на всенародный праздник, 85-е отделение милиции выглядело вполне буднично. Никто не удосужился в честь женщин поправить покосившуюся вывеску над входом, вымыть грязный линолеум в коридоре или хотя бы освежить воздух в отделенческом туалете. Туалетный аромат столь гармонично смешивался с коридорным запахом, что эта смесь, не уступающая по своей вонючести лучшим французским дезодорантам, достигала самых отдаленных уголков отделения. Люди, привычно толпящиеся у паспортного стола, слегка морщились, но не уходили, потому как ради получения российского паспорта можно было немножко и потерпеть.

Единственным напоминанием о грядущих празднествах была скромная открытка, приколотая на стенд для объявлений, в которой говорилось, что «мужской коллектив 85 отделения от всей души поздравляет коллектив женский».

Кивинов, зайдя в отделение, сначала направился к себе, повесил на крючок куртку и сумку с бутербродами, прибрался на столе, сложив в одну кучу раскиданные бумаги, после чего пошел по кабинетам разнюхать отделенческие новости. До четырех было еще пятнадцать минут, и он мог потратить их в свое удовольствие.

Опера сидели в кабинете инспектора Дукалеса и оживленно трепались. Судя по блеску глаз и хохоту, некоторые уже сполна поздравили женщин – и не только открыткой. Кивинов поздоровался и плюхнулся на свободное место дукалесского дивана.

- Над чем ржем? – поинтересовался он.

Но его вопрос игнорировали, а детский инспектор Волков увлеченно продолжал:

– Я у ихнего зама-то спрашиваю: «Что это за грохот? Ремонт, что ли?» А он: «Не, это наши бойцы в футбол играют». Я – ему: «Какой футбол? Настольный, что ли?» А он смеется: «Напольный. Сегодня Мамеда поймали, ну, черного, за квартирную кражу. Охрана с поличным взяла. А он всякую ерунду городит -мол, шел, увидел кучу вещей на улице, решил подойти посмотреть, вот в это-то время его, мол, и поймали. Правда, он уже дубленку успел надеть, но все равно, врет очень убедительно. Вот наши ребята с ним в футбол и играют. Один на воротах, второй пенальти бьет, а Мамеда вместо мячика взяли. Во, слышишь, кажется, гол забили. Я думаю, после третьего гола он все вспомнит».

- Волков поправил галстук. – Во как люди работают, не то что мы.
- Наше оружие – доброта и слово Божье, – сказал Дукалис.
- Ну, ну, рассказывай, а вмятину в стене ты зачем шкафом загородил?

– Так тот мужик пьяный был, сам на стенку упал, вот вмятина и осталась. Я его пальцем не трогал. Я виноват, что стены у нас такие хилые? Ладно, хватит о грустном, скоро праздник. Повторим?

- Давай. Кивиныч, будешь?
- Не, я до утра сегодня.
- Как хочешь.

Волков подошел к шкафу, поколдовал внутри и через секунду уже держал в одной руке рюмку, а в другой – кусок детского мыла «Теремок». Произнес тост в честь женского дня, он опрокинул рюмку, занюхал «Теремком» и убрал на-борчик в шкаф. Затем крякнул от удовольствия и сел на место.

- Как тут у нас, спокойно? – обратился Кивинов к сидящему рядом Петрову.
- Относительно. Пара краж «глухих» и одна «мокруха».
- Что за «мокруха»?

– Твой знакомец Воробьев начудил. Зря ты с ним возился, давно надо было за наркоту сажать.

- Воробей? Не может быть! Да он еле ходит от ширева своего.

– Ходит, не ходит, а бабу придушил. Повезло, с поличным взяли, а то бы «глухарем» зависло. Правда, Воробей пока в отказе, но там с доказательствами порядок. Воробью уже сотку выписали, перспектива на арест. Следак прокурорский 102-ю возбудил.

- Ну-ка, расскажи поподробней.

– Да хватит вам о работе, – прогорланил изрядно захмелевший Волков. – Слушайте лучше анекдот. Трахаются мужик с бабой...

– Пошли ко мне, – сказал Кивинов Петрову. Миша поднялся с дивана, одернул свой кирпичный пиджак и вышел вслед за Кивиновым.

– Там ничего необычного, – произнес он, закуривая «Беломор». – Позвонила женщина по «02». Говорит, возле квартиры напротив соседка лежит, а над ней – парень молодой, по карманам шарит. Тетка в глазок все это узрела. Мы быстренько прилетели, тем более, здесь недалеко, и на выходе Воробья тормознули. Это он оказался. При нем колечки и деньги. Поднялись наверх, а девчонка уже готова. Шарфом задушена.

- О черт! – выдохнул Кивинов.

– Колечки девчонки этой оказались. Воробья – в цугундер. Оpozнание провели. Соседка Воробья узнала. А у него ломка началась, кричал только, что не убивал. Но мы даже в футбол с ним не играли, незачем было. Хотя, конечно, не мешало бы ему морду за такие подвиги начистить. Девчонке всего двадцать лет было. Поганец. «Пятнаха» у него в кармане, а может, уже и лоб зеленкой намазан. Сейчас, наверно, уже отошел, ему укол вкололи. Через пару часов в ИВС увезут.

- Так что он говорит?

– Говорит, что не душил. Колечки – да, снял, деньги – прихватил, а бабу не убивал. Мол, она уже лежала. Но это и понятно, кто же под «мокрое» подпишется? Так – кража, а так – убийство. Разница есть.

- А потерпевшая кто?

- Да, обычная девчонка. Студентка с медицинского, четвертый курс.

- С 1-го медицинского?

– Нет, с Сан-Гига. Живет в предках. Обычная семья. Жалко ее, конечно. Из-за таких говнюков в двадцать лет умирать. Ну, ладно, мы продолжим, а ты давай, заступай. Ни пуха.

- Соловец где?

- Материалы в РУВД повез подписывать. Скоро должен быть.

– Вы там поосторожней. И Волкову скажи, чтобы не ржал на весь коридор. Даже здесь слышно.

Миша вышел. Кивинов открыл тумбочку, достал свой grossбух с подучетными, открыл его на букве «В» и прочитал: «Воробьев Геннадий Сергеевич, 1973 года рождения, уроженец

Ленинграда, адрес. Не работает, не судим. Наркоман. Данные родителей. Задержания». Фото. Кивинов взял фломастер, перечеркнул записи и вывел: «Статья 102. Сидит. 1994 год».

К восьми вечера в отделении не осталось никого, кроме дежурного наряда. Ничего удивительного, работа – работой, но праздники тоже забывать нельзя. У всех жены, матери, сестры, дочери. Надо покупать подарки, цветы, продукты. Кивинова который год ставили дежурить накануне женского дня. Не потому, что ему вообще некого было поздравлять, а потому, что он не был женат и вроде как мог обойтись без предпраздничной суеты.

Воробьева еще не увезли, и он заседал в камере.

Заявлений пока не было. Кивинов поставил чайник и достал бутерброды. Радио передавало концерт по заявкам женщин-ветеранов. В основном, песни строевых лет. Кивинов убавил звук и снял трубку местного телефона.

– Игорь, там Воробьев подает признаки жизни? Проснулся? Я заберу его сейчас, поговорить хочу.

Повесив трубку, он сходил в дежурную часть и повел к себе Воробьева. Добирались они до кабинета добрых пять минут. Воробьев еле-еле тащился, Кивинову даже пришлось напомнить ему, что они не на экскурсии в Эрмитаже, на что Воробей и глазом не моргнул. Абстинентный синдром. Ломка. Хорошо бы выжить.

– Ну что, Гена? Доигрались, – констатировал факт Кивинов, усадив задержанного на стул. – До «Мокрухи» приехали.

– Я не убивал, – выдал из себя Воробьев, поплотнее запахнул куртку и съехал на стуле.

– Ты чего? Не бойсь, бить не буду, ты и так еле живой.

– Холодно.

– Серьезно? А девке той уже не холодно. И не жарко. Ей все равно.

– Я не убивал. Андрей Васильевич, вы же меня знаете, я никого пальцем не трону. Воровать – да, было. Но убивать... Тем более, Ленку.

– Ты что, знал ее?

– Да, знал, – со стоном ответил Воробьев, – одноклассница моя.

– Чего стонешь?

– Плохо.

– То тебе холодно, то плохо. Ширяться меньше надо, и не будет плохо.

– У меня воли нет. Не завязать.

– Кончай эти разговоры. У всех воли на это нет. Воровать да убивать зато воля есть.

– Я не убивал, – в третий раз сказал Воробьев.

– Послушай. Я не собираюсь тебя колоть и выяснять, убивал ты, не убивал. Хочешь, колись, не хочешь, не колись – дело твое. Я тебе одно могу сказать. Тебе вменяют эту «Мокруху», что бы ты ни говорил. Понимаешь? Вменяют! И ни один адвокат не спасет. Слишком все очевидно. А твои запи-ранья будут рассматриваться только с одной точки зрения – стремление избежать ответственности. А по «непризнанке» тебя максимум ждет, потому как это убийство. А какой у нас максимум, ты и сам прекрасно знаешь. Это я тебе не как опер говорю, ты сам сказал, что я тебя давно знаю, так что вот тебе дружеский совет – явка с повинной. Тогда есть шанс выжить. В противном случае – стенка.

– Да не убивал я Ленку, Андрей Васильевич, – зарыдал Воробей. – Не убивал! Она уже лежала, когда я поднялся на этаж. Ну как мне это доказать? Как?

– Тебе не надо ничего доказывать. Это нам надо доказывать, что ты убил. А доказательства уже есть. Но хорошо. Я не слышал твоей официальной версии и хочу послушать. Валяй, Воробышек.

Воробьев поморщился, выпрямился на стуле и попросил закурить.

– Я не курю, а в дежурке не дадут. Потому что злятся на тебя очень.

Воробьев вздохнул.

– Мне с утра долбануться надо было очень. Ломало страшно. Я проблевался и к Ленке пошел. Она меня выручала иногда.

– Во сколько пошел?

– Не знаю, часов в двенадцать, наверное.

– А что значит выручала? Наркотой, что ли?

– Да нет. Она в медицинском учится, вернее, училась, а по вечерам халтурила процедурной сестрой на дому – банки там ставила, уколы делала, не знаю, что еще.

– Понятно. Дальше.

– У нее колеса оставались, лекарства в ампулах всякие. Вот она мне их по дешевке и отдавала. А если предков дома не было, то сама и колола.

– Погоди, наркотические лекарства на строгом учете. Откуда они у нее?

– Я не знаю. Может лишнее оставалось. Да и не наркотики это вовсе, так, успокоительное.

– Откуда ты знаешь? Она сама говорила?

– Она не говорила, просто колола. Мне легче становилось.

– Она за деньги колола?

– Да, но по дешевке и в долг.

– А отдавал чем?

– Когда как. Иногда деньгами, иногда вещами.

– Ворованными?

– Да. Но там заяв нет.

– Почему?

– Я осторожно воровал. Приду в гости к кому-нибудь и стащу золотишко. Но золотишко было тоже ворованное, поэтому и заяв нет.

– Ладно, об этом после. Что дальше было?

– В общем, сегодня я к Ленке снова пошел. Она иногда утром дома бывает. Решил опять в долг. В подъезд захожу, на этаж поднимаюсь, а она перед дверью лежит. Я сначала думал, плохо ей, тряссти стал, а она никакая. Ну, готова, одним словом. А у меня опять блевота подкатывает, сам сейчас, думаю, загнусь. Что делать? Я позвонил в квартиру – двери никто не открыл. Ну я и решил – Ленке все равно не помочь, а мне зачем пропадать? Гляжу – у нее на пальце «гайка» моя, ну, не моя, конечно, а за ширево ей отданная. Паленая «гайка». Я ее снял и второе колечко с пальца помыл. В кармане денюгу нашел, но немного там было. Решил к метро сходить, там «рыжье» на дозу обменять. Из подъезда вышел и прямо на ментов нарвался. Честное слово, так все и было. А зачем мне Ленку мочить? Зачем?

– Не знаю. Но ведь может и по-другому было? Пришел ты к ней, а она тебя послала подальше, вот ты в наркотическом угаре ее и придушил, а теперь обставляешься. Свидетелей-то нет.

– Не было такого! Если бы она дома была, то в халате бы вышла и в тапочках. А она в верхней одежде была и в сапогах. И сумка ее рядом валялась.

– Ну, может, ты ее в подъезде караулил. Кстати, и время смерти совпадает. Тик в тик. Так что плохи твои дела, Гена.

Воробей снова заплакал.

– Ну что же, что мне делать? Все наркота проклятая. Как чувствовал, не надо было к Ленке идти.

– Вряд ли ты что чувствовал. Ты об одном думал – где бы ширнуться. Все, кончай реветь. Если тебе больше нечего сказать, пошли в камеру. Между прочим, мне из-за тебя тоже по голове надают. Я ведь тебя в первый твой влет отмазал, думал, за ум возьмешься, а ты за «Мокрухи» взялся.

– Да не убивал я! О, Господи! Что же мне делать?

– Ты сам-то себе веришь? Что, святой дух спустился и у тебя под носом девицу задушил? – не выдержав, гаркнул Кивинов. – Будь хоть здесь мужиком! Я с тобой без протоколов беседую! Самому легче станет!

Воробей вдруг перестал рыдать, а потом серьезно произнес, глядя в глаза Кивинову:

– Нет, не святой дух. Вспомнил. Я ведь в подъезде с мужиком столкнулся. Он бегом вниз бежал, я еще удивился, ведь лифт в доме есть.

– А, вот и мужик появился! Думаю, через час ты про какой-нибудь топор или пистолет у него в руке вспомнишь. Кончай версии строить. Даже если и бежал там мужик, это не значит, что он Ленку убил.

– Вы не верите?

– Не знаю.

– Конечно, вам проще все на меня повесить. Явку с повинной пиши. А действительно помочь никто не хочет.

– Ладно, черт с тобой. Что там за мужик был?

– Я плохо запомнил, мне не до него было. Ростом с меня, то есть метр семьдесят где-то. Лет двадцать пять – тридцать, крепкий. Одет, кажется, в черную куртку. Лица не видел, в подъезде темно.

– Так и куртка, может, не черная?

– Черная. Он когда со второго этажа сбегал, я увидел. Там окно.

– Это все?

– Да, все. Больше ничего не запомнил.

– Маловато. Вернее, совсем ничего.

– Мать твою, что же мне делать? А, погодите. Он когда меня толкнул, я его мудаком обозвал. Другой бы среагировал, а этот даже не обернулся. А когда он дверь открывал, я у него на спине крест вышитый увидел. Кажется, эмблема клуба хоккейного, я раньше такие видал.

– А поточнее?

– Не знаю я. Крест кривой и надпись в нем.

– Понятно. Я не очень в хоккее волоку, но, кажется, это «Лос-Анджелес Кингс». У них такая эмблема.

– Наверно.

– Вообще-то это тоже примета не фонтан. Таких курток сейчас много. Так что ничего хорошего я обещать тебе не могу.

Зазвонил местный телефон.

– Андрюха, давай Воробьева назад. Машина пришла, отправляем.

ГЛАВА 2

Окна кафе выходили на Садовую. Но не фешенебельную ее часть, расположенную в центре, а на ту, что пролегала ближе к окраинам, недалеко от площади Репина.

Из-за близкого расположения к проезжей части окна постоянно подвергались обстрелу брызг и льдинок, вылетающих из-под колес машин. Расстояния в тротуар явно не хватало чтобы уберечь стекла, так что два раза в день кто-нибудь из персонала вынужден был их мыть. Кафе было небольшое полугосударственное, но ближе к частному, со всей полагающейся таким заведениям атрибутикой: парой цветных фонарей, негромкой музыкой, табачным дымом и продажей спирт-ного в разлив. Мелкоаморальная публика его не жаловала по причине высоких цен на алкоголь, поэтому посетителей там было немного.

Она сидела за дальним столиком, грела пальцы о чашку с кофе и смотрела в забрызганное окно. Часики на руке показывали четыре часа дня. Она постоянно приходила сюда в это время. Во-первых, не хотелось сразу после занятий идти в снимаемую по дешевке убогую комнатушку, а во-вторых, ее в этом кафе уже хорошо знали, и иногда она могла здесь перекусить в долг, заплатив все потом, когда появлялись деньги. Вся стипендия уходила на оплату квартиры, а присылаемые родителями копейки шли на еду, хозяйственные нужды и крайне редкие удовольствия типа кино и дешевенькой дискотеки. Помимо всего, здесь она могла отдохнуть от институтской суеты, посидев с полчаса просто так, задумчиво глядя в окно.

Напротив тормознула серебристая «иномарка», вышел водитель, обежал машину и галантно открыл дверь пассажиру. Изнутри выпорхнула девица лет восемнадцати в короткой кожаной куртке и такой же юбке, максимально открывающей стройные ножки. Девушка подняла капюшон с меховой отделкой, взяла под руку спутника, уже успевшего закрыть машину, и оба они направились в проходной двор.

Она поежилась, опять на мгновение обхватила ладонями чашку, но затем, взглянув на ноги, резко одернула свое байковое пальто. Ее вдоха никто не расслышал из-за музыки. Она достала из сумки-портфеля, набитого конспектами, небольшое зеркальце и стала внимательно изучать свое лицо. Человек, умеющий читать мысли, увидел бы сейчас отразившуюся на ее личике обиду. Обиду на то, что кто-то, обладая полученной от природы – то есть на халяву – привлекательной внешностью, может неплохо пристроиться в жизни, не прилагая особых усилий. Другие же должны добиваться всего путем огромных духовных затрат и отступлений, хотя в итоге все равно ничего у них не выходит. Еще один вздох был поглощен музыкой. Она спрятала зеркальце и опять взглянула в окно.

Он зашел в кафе, расстегнул на ходу длинное драповое пальто, стряхнул с модно уложенной прически капли мгновенно растаявшего снега и, остановившись у стойки, начал изучать меню. Заказав наконец кофе и бокал некрепкого вина, он осмотрелся и направился к дальнему столику.

– У вас свободно?

Вопрос удивил ее. Три ближайших стола пустовали. Но она согласно кивнула, скорей, от неожиданности.

Он поставил чашку и бокал на столик, снял пальто и повесил на стоявшую рядом вешалку. Серый клубный пиджак был сшит строго по фигуре и сидел на нем как влитой.

Он был красив, по крайней мере, с ее точки зрения. Красив как мужчина, то есть мужественной красотой голливудских кинозвезд. Она видела его здесь впервые и в общем-то удивилась его приходу именно сюда. Она считала, что избранные для посещения заведения общепита должны соответствовать внешнему облику проголодавшегося.

Как бы угадав ее мысли, он неожиданно спросил:

– Вам нравится здесь?

Она сначала подумала, что вопрос был обращен не к ней, поэтому опять немного рассеянно кивнула головой.

– Странно. По-моему, здесь не очень удобно. Ваше здоровье. – Он отпил немного вина.

Она не знала, как себя вести. В такую ситуацию она попала впервые, потому как до него никто из мужчин не заводил без причины разговора с ней. Она уставилась в полупустую чашку с кофе и боялась поднять голову.

– Вы не здешняя?

Она промолчала.

– Вы извините, что я глупые вопросы задаю. У меня не приятности кое-какие, хочется немного отвлечься. Вот, спрятался сюда. Хотите выпить?

Она покачала головой.

– Как хотите. Вино неплохое. Давайте за женский день.

Она снова покачала головой.

– Вы всегда так молчаливы?

Она опять проигнорировала его вопрос, искоса взгляну на него.

Ей вдруг захотелось уйти. Ведь он не мог подойти к не как к женщине. Она была некрасива. Зачем тогда нужно заговаривать всякие разговоры? Но что-то удержало ее. Может поэтому, что она впервые почувствовала себя женщиной. Как чарующих снах про прекрасных принцев, снившихся ей почти каждую ночь. И ей так не хотелось просыпаться.

Он улыбнулся.

– Альберт, – протянул он руку.

– Инга, – ответила она.

– Прекрасное имя. Знаете, Инга, у вас ведь тоже, наверное, куча проблем или неприятностей. Забудьте о них, всего лишь на полчаса. Давайте поболтаем, как старые знакомые, которые не виделись много лет. Вы удивлены моему предложению? Напрасно. Многие известные психологи утверждают, что проще всего найти общий язык с едва знакомым человеком и рассказать о своих сокровенных тайнах ему, нежели какому-нибудь старому приятелю. Я, конечно, не прошу вас раскрывать свою душу, а предлагаю просто поболтать.

Она улыбнулась.

– Кто вы? – чуть погодя спросила она.

– Человек. В общих чертах. А в остальном – смотря что вас интересует. Если профессия – я коммерсант, если образ мысли – я поэт, если характер – нигилист. Хотя точнее – просто независим.

– Разве характер может быть независимым? Независимым может быть только положение.

– Вы не правы. Прежде всего независимый характер. Именно характер. Но оставим это на долю ученых-психологов. А кто вы?

– Человек.

Он усмехнулся.

– Достойный ответ,

– А помимо этого студентка.

– Кораблестроительный?

– Почему вы так решили?

– Он тут неподалеку.

– Нет, нет. Я просто живу здесь рядом. А учусь в 1-м медицинском.

– Вы врач?

– Пока нет. Но надеюсь им стать.

– Интересно. А специальность?

– Терапевт.

– Здорово. Первый раз общаюсь с медицинским работником в обыденной обстановке. А то как-то все в поликлиниках да в поликлиниках. «На что жалуетесь? Дышите-не-ды-шите, принимайте по таблетке три раза в день после еды, следующий».

Она опять улыбнулась.

– Простите, Инга, а вы по призванию, так сказать, или по каким другим соображениям?

– Я хотела быть врачом.

– Хорошо, когда сам с собой в согласии, виноват, банальность. В чем-то я завидую вам.

Он встал, сходил к стойке и вернулся с еще одним бокалом вина. Поставив бокал перед ней, он достал из пальто пачку сигарет, предложил Инге и прикурил сам.

– Знаете, что мне хочется сказать? – заговорил он. – фильм помните, «Бриллиантовая рука»? За наше случайное знакомство! Шучу. Давайте выпьем за вас. За то, что вы есть, за то, что занимаетесь тем, чем хотите, за то, что вы сейчас разговариваете со мной, в общем, за то, что вы живете.

Она выпила. Ей все еще не верилось, что это происходит не во сне. Но, с другой стороны, ей никогда это кафе не снилось. Да нет, это не сон. Альберт, вино, музыка. Это все наяву. Но зачем она ему? Просто потому, что не с кем поговорить? Она не знала. Но ей не хотелось искать ответ на этот вопрос. Пусть все идет своим чередом, пусть этот сон наяву продолжается дальше.

Они разговаривали еще минут двадцать, вскоре даже перешли на «ты», хотя он был лет на десять старше ее. Наконец, допив вино, он поднялся, надел пальто и спросил:

– Ты не спешишь? Можем покататься по городу.

– На трамвае?

– Ну, если мой «БМВ» похож на трамвай, то тогда на трамвае.

Она не спешила. И ей очень хотелось покататься на машине.

– Но ты ведь выпил, – на всякий случай напонила она.

– А, ерунда. Это легкое вино. Не бойся, не разобьемся. Хочешь, поедem куда-нибудь, в более подходящее место?

– Я вообще-то не одета. Сразу после занятий.

– Пустяки. Заедем к тебе, я подожду в машине.

– Честно говоря, мне неудобно. Как-то неожиданно.

– Ничего страшного. Чем больше неожиданностей, тем лучше. Иначе жизнь скучна. Я знаю один ресторанчик в центре. Там вполне достойно. И так?

– Хорошо. Я живу вон за тем домом.

Он застегнул пальто, кивнул на прощание девушке за стойкой и распахнул дверь, пропуская вперед Ингу. Через минуту от кафе отъехала черная «иномарка», выбросив из-под колес очередную порцию грязи на многострадальные окна.

Кивинову открыла дверь женщина. Он на несколько секунд задержался у порога, тщательно вытирая ноги о коврик и никак не решаясь зайти.

– Я звонил вам, из милиции.

– Проходите.

Он по обыкновению прошел на кухню, чтобы не топтаться в комнатах. Сев на табурет, он огляделся.

– Похороны уже были?

– Да. Позавчера.

Мешки под глазами и краснота глаз хозяйки говорили о том, что последние дни выдались для нее крайне тяжелыми. Тем не менее, сейчас она держала себя в руках, и голос ее был вполне сдержан.

– Может я не вовремя?

– Ничего. Спрашивайте.

Кивинов достал свой коричневый блокнотик и положил на стол, после чего еще раз оглядел кухню, не зная, с чего начать. Сколько таких квартир он посетил за время своей работы в милиции. Сколько разговоров он слышал, сидя на таких вот кухнях. В каждой квартире он старался выделить для себя что-нибудь необычное, такое, что бы не дало ему сразу позабыть визит и помогло потом вспомнить весь разговор. Подобная инспекция, перешедшая уже в профессиональную привычку, немного удивляла и даже настораживала хозяев, гадающих, что хочет высмотреть этот опер в их стандартной обстановке.

Эта кухня была самая что ни на есть обычная. Даже не на чем было заострить внимание. Кивинов пощелкал авторучкой и обратился к сидящей перед ним женщине:

– Дело в том, Светлана Юрьевна, что я хотел бы уточнить кое-какие моменты, так что, возможно, мои вопросы удивят вас.

– Спрашивайте.

– У Воробьева изъяли два кольца, которые он снял с вашей дочери. Вы опознали их. Откуда они у Лены?

– Одно кольцо подарила я на ее восемнадцатилетие, с фианитиком. Второе не так давно купила сама Лена.

– Она не говорила, за сколько?

– Точную сумму не называла, но я думаю, что не дорого. У Леночки не было больших денег. Стипендия плюс приработок в поликлинике.

– А по деньгам сколько выходило?

– На сегодняшний день не больше пятидесяти тысяч, А к чему все эти вопросы?

– Но я же предупредил, чтобы вы не удивлялись. Дело в том, что в колечке этом вовсе не пластмассовый камешек и даже не стекло. В нем настоящий бриллиант, и тянет оно тысяч на триста как минимум. Вы уверены, что у нее не было еще одного источника доходов?

– Триста тысяч? Но этого не может быть!

– Может, может.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Она давно в поликлинике подрабатывала?

– Месяца три.

– А до этого?

– Нигде.

– Вы не знаете, кто-нибудь еще из ее сокурсниц халтурил по поликлиникам?

– Да почти все. Жизнь-то тяжелая. Кто в больницах, кто в поликлиниках. Да и практика неплохая.

– Вы знаете кого-нибудь из ее подруг по учебе?

– Да, конечно. Некоторые приходили на день рождения. Ближе всех она была с Ритой Малининой. Она в общежитии живет. Правда, на похороны не пришла. Может домой уехала.

– А откуда она?

– Из Челябинска, кажется.

– Лена с Ритой и в поликлинике вместе работали?

– Да, Рита ее туда и устроила. В поликлинику сложнее попасть, чем в больницу.

– Понятненько. Где поликлиника, вы, конечно, не знаете?

– Где-то в районе Суворовского, в центре.

– Еще один вопрос. Может, он покажется вам неприятным. – Кивинов снова пощелкал ручкой, прежде чем спросить. – По жизни она была хорошим человеком? Ну, не как ваша дочь, а по мнению других, например?

– У меня никогда жалоб не было, да и от других ничего не слышала. Леночка скромная такая была, добрая. Была... Боже мой, я поверить не могу...

Мать все-таки не выдержала и заплакала.

– К чему, к чему эти все ваши вопросы? Леночку не вернешь. Хорошая, плохая... А ублюдку этому дадут десять лет и снова выпустят.

Кивинов убрал блокнот. Продолжать разговор не имело смысла. Пошли эмоции.

– Вы лучше скажите, куда мне пойти, чтобы подонка этого расстреляли, – продолжала она. – Кому письмо написать. Ведь он убийца, значит и ему на земле не место. Я бы его сама задушила, только б дали. Сама!!!

Плач перешел в рыдания.

Кивинов поднялся, тихонько, почти про себя сказал: «До свидания», и направился к выходу. Не стоит мешать человеку плакать. Это не зрительный зал и не кино. Это с каждым может случиться.

Осторожно прикрыв дверь, он вышел из квартиры.

Оперуполномоченный 85-го отделения милиции Каразия закончил записывать объяснение и протянул листок сидящему напротив пареньку.

– Читай. Если что не так, скажи.

Парень пробежал глазами строчки.

– Все верно? Тогда вот тут внизу: «С моих слов записано верно и мною прочитано». Подпись. Молоток. Все, пошли.

Каразия вытолкнул парня в коридор, но повел его не в дежурку, где находилась камера, а направился вместе с ним в конец коридора. Подойдя к самой последней двери, он открыл ее своим ключом, повернулся к парню и кивнул:

– Заходи.

Комнатка была небольшой, метров шесть, окна отсутствовали, у одной из стен при-
ткнулся обшарпанный стеллаж. У помещения этого было многоцелевое назначение. На стеллаже были набросаны вещи с обысков, пустые бутылки с пьянок, грязные тарелки все с тех же пьянок, ну и прочая мелкая утварь, начиная от ломаных телефонных аппаратов и заканчивая неведомо кем принесенных учебников по математике.

Кроме того, периодически эта комнатка-кладовка служила операм 85 отделения второй камерой. Это объяснялось тем, что в дежурке была только одна камера, а если по какому-нибудь варианту проходили поделщики, то их необходимо было содержать в разных местах. Свободных помещений в отделении больше не нашлось, поэтому опера использовали в своих тюремных целях эту кладовку. А что делать? Не в кабинетах же нарушивших закон граждан к батареям пристегивать. Правда, в кладовке задержанного все равно пристегивали. Только не к батарее, за отсутствием таковой, а к тридцатидвухкилограммовой гире. На всякий случай.

Сиденье в кладовой нравилось не всем, попадались нервные, привыкшие к комфорту и начинавшие барабанить в двери и бить посуду. Честно говоря, в этой импровизированной тюремной камере действительно имелся недостаток комфорта – вонь из подвала, чертовский холод, мыши, нехватка свежего кислорода. Но опера рассуждали по-своему – извиняемся, но никто вас грабить-воровать-убивать не заставлял, а поэтому посидите пока в одиночестве и подумайте о смысле загубленной души, благо обстановка располагает. Выражение «посадить на гирю» означало в 85 отделении эксплуатацию кладовочки в камерных целях.

Сейчас Каразия «посадил на гирю» очередного задержанного наркомана. Его дружок-поделщик находился в «фирменной» камере со всеми удобствами, той, что в дежурной части. Наркоманов задерживали почти каждый день, в основном этим занимались постовые и иногда отдел по незаконному обороту наркотиков. Задержанных передавали в отделение, где опера лепили материал и вызывали следователя, если найденное у граждан вещество бурого цвета признавалось наркотиком и его вес соответствовал норме, с которой наступала уголовная ответственность (то есть 5 грамм). Пока эксперт в специальном отделе ковырялся с изъятым зельем, задержанный томился в камере, Прицепив парнишку в гире, Каразия закрыл двери кладовки, вернулся в кабинет и стал писать сопроводилку в экспертный отдел на проверку

наркотика. Что это именно наркотик, у Эдика не было никаких сомнений, единственно смущал вес – его могло быть недостаточно для нормы.

Отнеся пакетик с веществом и сопроводилровку в дежурку, Каразия вернулся в кабинет, немножко пописал бумаги, а потом решил сходить перекусить, благо время позволяло – ответ от экспертов придет не раньше, чем через пару часов. Подойдя к кладовке, Эдик поинтересовался, не желает ли задержанный по нужде. Тот по нужде не желал, а посему инспектор с чистым сердцем отправился отобедать.

Вернувшись минут через сорок, Эдик прислонил ухо к двери кладовки и прислушался. К его удивлению, там было тихо. Обычно требования вернуть свободу начинались минут через пятнадцать после заточения. поприветствовав в душе неприхотливость наркомана, Каразия пошел к себе.

В оставшиеся полтора часа из кладовой не раздалось ни звука. Эдик был доволен – хоть один спокойный человек попался. Правда, его огорчил результат экспертизы – у того деятеля, что сидел в дежурке, норма была, а у того, что на гире, – нет. Чуть-чуть не хватило. Обидно, придется отпускать, но ничего – в другой раз попадется.

Эдик вышел из кабинета, отпер кладовую и произнес:

– Выходи, сандаля бамбуковый.

Парень, не вставая со стула, нехотя повернул к Каразии лобастую голову и прошептал:

– А можно я еще посижу?

Каразия вытаращил на него свои черные глаза.

– Больной, что ли? Тебе, мудаку, повезло, что наркоты мало изъяли, а ты уходить не хочешь. Если уж тебе так здесь понравилось, иди, купи пару кило соломы, сдайся и сиди, сколько влезет. А сейчас пшшл вон, мне домой пора.

Парень лениво поднялся. Каразия отстегнул его ногу от гири и вытолкнул в коридор. Наркоман, прилипая к стенам, потихоньку дополз до дверей розыска, еще раз показал Каразии свою блаженно улыбающуюся физиономию и скрылся из виду.

«Крыша, наверно, от наркоты течет», – подумал Каразия, хлопая дверью.

Минут через сорок, когда Эдик уже прятал в сейф раскиданные по столу дела с целью отбыть домой, к нему заглянул озабоченный Волков.

– Хм... Слышь, Эдгар, ты из кладовки наркоту изъятую не забирал? Эфедрин. Там в баночке, на полке стояла, вместе со шприцами.

– Нет, – спокойно ответил Каразия, продолжая уборку бумаг.

– Черт, куда делась? Мне следак звонит – срочно наркоту по вчерашнему варианту надо ему отвозить, а она поде-валась куда-то. Из наших никто не брал. Барабашка какой завелся, что ли?

Волков, почесав лоб, вышел из кабинета. Каразия закрыл сейф, накинул куртку и подошел к зеркалу, чтобы причесаться. Внезапно он замер, пораженный неожиданной догадкой. Через мгновение догадка превратилась в уверенность.

– О, маму твою тык-дым, тык-дым! Зараза вонючая!

Каразия никак не мог разучиться материться на кавказский манер.

Он выбежал в коридор и заскочил к Волкову.

– Много там было?

– Лет на пять.

– Ох, говнюк! А еще была наркота?

– Моей не было. Петровская, вроде, есть.

Каразия бросился к кладовой. По стеллажу словно прошелся торнадо. И подмел с полок все, что хоть приблизительно было похоже на наркотики, даже отраву на крыс и старый фотопроявитель. На полу, рядом с гирей валялся пустой шприц.

– Я этому барабашке все ноги повыдергаю! – опять прорычал Эдик. Выскочив из камеры, он влетел в кабинет и судорожно принялся искать в бумагах адрес барабашки.

«Только не хватало, чтобы он проявителем ширнулся, потом черта с два отпишешься. Хотя эти придурки ко всему привычные, изгой отделается».

Хлопнув на ходу дверью, Эдик помчался по коридору к выходу из отделения.

– Ничего я у нее не покупал! Че вам надо-то от меня? Тоже мне, нашли дурачка. Ага, давайте, давайте, грузите на меня теперь. Наркота, наркота, а может еще что?

– Не тарахти, Дима. Вот, если бы ты сейчас находился в компании своих корешков-приятелей, я б тогда твоим речам не удивился. Но мы же одни, притом не у меня в кабинете, а у тебя дома. Чего ради, спрашивается, ты эти дешевые понты кидаешь? Меня, что ль, удивить хочешь? Так это зря, слава Богу, наслушался. И поговорить я хочу с тобой нормально, без крика.

– А мне ни к чему эти разговоры.

– А приятелю твоему Воробью? Вы же с ним неразлей-вода.

Парень на мгновение опустил глаза.

– А что Воробей? Ну, гуляли вместе, а что там у него за дела, я не знаю.

– Ты что, ему насолить боишься? Так ему уже ничем не насолишь. Вышка корячится. И спрашиваю я про него только потому, что хочу от стенки его оттащить.

– Ничего я не боюсь. Он там влип, а я причем?

– Ну, а наркоту у Леночки Ковалевской ты тоже не покупал?

– Какую наркоту? Я что, наркоман? Нате, найдите у меня хоть что.

– Не, до тебя, видно, точно ничего не доходит. Да ты можешь сейчас выйти на улицу и орать, что ты наркоман. И ничего тебе за это. не будет. И не собираюсь я ничего тебе шить, и искать ничего не собираюсь. Ты хоть врубаешься, что мне надо? Я, мент, хочу вытянуть твоего корешка из петли, а ты, его лучший приятель, меня, можно сказать, посылаешь. А все почему? Это на воле вы кореша, а за порогом милиции – все, амба, каждый за себя. Ну и ради Бога. Только учти, завтра ты влипнешь, никуда не денешься, вот тогда по-другому запоешь.

– Не запою.

– Ладно, черт с тобой, сиди тут. Не хочешь помочь – не надо. А воспитывать я тебя не собираюсь, не Макаренко, и без тебя забот хватает.

Дима ничего не ответил, только отвернулся к окну.

«Ну и пошел ты, – подумал Кивинов. – Обойдусь. Не, Воробей, никому ты не нужен – ни родственничкам своим, которые даже узнать не пришли, что там с тобой стряслось такое, ни друзьям-приятелям. Так что извини».

Кивинов встал и быстро вышел, с силой хлопнув дверью.

– Ну, сучья морда, что творит! – Миша Петров стукнул ладонью по столу и отбросил материал в сторону.

– Ты чего? – спросил стоящий у окна Дукалис.

– Совсем борзанулись, бляди. Больницу знаешь на моей земле? На горке?

– Ну.

– Один маромой повадился у покойников зубы золотые драть в морге ихнем. Третий случай уже. Вчера у бабки восемь коронок вырвали. Родня заяву накатала. Знаю я, чьих рук это дело. С главврачом поговорил. У них недели три назад санитар новый пришел, вот после его прихода эти варианты и начались. Гадина. Самое обидно, что не поймать его. Пойди докажи. Это надо только с поличным хапать, а как? Не засаду же в морг сажать. Кто ж согласится? А в следствии говорят – это еще ничего не значит, что после его устройства на работу уже третий случай. Мало ли... Да я даже не об этом. Но зубы рвать у старух, сука...

– А все почему? – спросил Дукалис. – Потому что зарплата у этого санитара тонн тридцать в месяц, да и ту вовремя не платят. А работенка не сахар. Попробовал бы деятель этот,

который зарплату утверждает, целый день покойников потаскать. Вот и вынужден санитар воровать.

– Тебе хорошо говорить, не тебе с заявами разбираться.

– Чего ты разорался? У меня тоже заморочек хватает. А зубодера этого, пожалуй, можно отловить.

– Как? Он, если что, зубы скинет на пол и поди доказывай.

– Не скинет. В 84-м отделении такой случай тоже был. Они выловили. Надо посоветоваться с орлами. Позвони. Кстати, у меня в больнице этой врач знакомый, пьяница, правда, но мужик неплохой. Поможет.

ГЛАВА 3

Кивинов зашел на территорию Санитарно-гигиенического института. Спросив дорогу, он двинулся к общежитию. Время было послеобеденное, и многие студенты должны были уже вернуться с занятий.

Кивинов и раньше бывал в этом институте, правда, в качестве экскурсанта. Здесь располагался единственный в городе музей судебной медицины. Довольно любопытные экспонаты имелись в этом музее. Отрезанные и заспиртованные головы, человеческие эмбрионы, даже половые органы с татуировками. Ткани и кости со следами различных ранений. Но вершиной этой необычной выставки был экспонат, вполне соответствующий совковому быту и, разумеется, нашей бытовой преступности. В одной из кладовых за столом сидел самый настоящий мумифицированный покойник с ножом в груди. Обстановка кладовки остроумными служащими была подобрана очень натурально и, можно сказать, со знанием жизни. Недопитая бутылка на столе, куча хабариков, драные обои, мусор, тухлая закуска. Да и сам мертвец был далеко не принц Уэльский.

Как объяснили в музее, на этом экспонате молодые следователи учатся составлять протокол осмотра места происшествия. Ну что ж, теория, максимально приближенная к практике. Это надо только приветствовать. Жаль, обычным гражданам доступ в музей закрыт, и не все могут по достоинству оценить необычные экспонаты. С воспоминаниями о музее Кивинов наконец добрался до типового здания общаги, Спросив на вахте, в какой комнате живет Рита Малинина, он поднялся на этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.